

Вольтер

Назидательные проповеди,

прочитанные в приватном собрании в Лондоне в 1765 году

"Homelies, prononcées à Londres en 1765, dans une assemblée privée".

Эта работа, опубликованная в 1767 г., состоит из четырех частей ("проповедей"): об атеизме, о суеверии, о понимании Ветхого завета, о понимании Нового завета. Критика атеизма и обоснование деизма сочетаются у Вольтера с решительной критикой реально существовавших религий и церквей, в первую очередь иудаизма и христианства.

В настоящем издании публикуются первые две части "Назидательных проповедей".

Проповедь первая

ОБ АТЕИЗМЕ

Братья мои,

О, если бы мои слова проникли из моего сердца в ваше! Если бы я мог отбросить пустую декламацию и не быть воплощением комедианта, добивающегося аплодисментов своему голосу, жестам и фальшивому красноречию! Я не пытаю дерзкого намерения вас поучать; я лишь исследую вместе с вами истину. Мою слабую речь вдохновляет не надежда на богатство и славу, не соблазн заслужить уважение, не необузданное стремление к владычеству над умами. Я избран вами, чтобы мы вместе могли просветиться, а не для того, чтобы я был вашим учителем; давайте же посмотрим со всем возможным чистосердечием, во что повелевает нам верить и что приказывает нам делать разум в сообществе с интересами человечества. Нам надлежит начать с вопроса о бытии Бога. Тема эта трактовалась всеми народами; в настоящее время она исчерпана. Именно потому я говорю вам об этом, ибо вы предугадаете все, что я хочу вам сказать: мы все вместе заявили о нашем понимании своего главного долга; мы здесь – дети, собравшиеся для беседы с нашим отцом. Великолепен ход человеческой мысли, и божественно устремление нашего разума, когда я осмеливаюсь выдвинуть утверждение, подобное древнему аргументу: Я существую, а следовательно, нечто существует извечно. Это означает с первого шага и взгляда объять все времена. Нет ничего более великого, но и ничего более простого. Подобная истина доказана не меньше, чем самые ясные положения арифметики и геометрии; она может на мгновение удивить невнимательный ум; но в следующий же момент она неодолимо его покоряет. В самом деле, никто не мог эту истину опровергнуть, ибо когда мы о ней размышляем, мы ясно видим: если ничто не существовало извечно, все должно было быть создано из не-бытия; наше существование в таком случае не имело бы никакой причины и являло бы нелепое противоречие.

Мы разумны, а следовательно, существует вечный разум. И разве Вселенная не свидетельствует о том, что она – творение этого разума? Если простая постройка на нашей Земле или корабль, совершающий кругосветное путешествие по морям, неопровергимо указывают на присутствие вне мастера, то круговороты звезд и вся природа доказывают существование их творца.

Нет, возражает мне какой-нибудь сторонник Стратона или Зенона, движение присуще материи; оно допускает всевозможные комбинации следовательно, в процессе вечного движения была абсолютно необходимой организация актуальной Вселенной. Если вы на протяжении вечности будете выбрасывать тысячу игральных костей, необходимо возникнет случай, когда выпадет тысяча одинаковых очков и можно будет даже определить шансы за и против.

Софизм этот всегда поражал мудрых людей и приводил в смущение поверхностных; посмотрим, однако, не содержит ли он обманчивой иллюзии.

Вольтер Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в лондоне в 1765 г. filosoff.org
Прежде всего, нет никакого доказательства, что движение присуще материи; напротив, все мудрецы согласны: материя индифферентна по отношению к движению и покою, и один-единственный атом, не сдвигающийся со своего места, разрушает представление о присущем материи движении.

Во-вторых, даже если бы для материи столь же необходимо было находиться в движении, сколь необходимо ей иметь форму, это никак не свидетельствовало бы против направляющего движение интеллекта, также лепящего различные его формы.

В-третьих, пример с тысячью игральных костей, дающих одинаковый шанс, имеет еще меньшее отношение к вопросу, чем обычно думают. Дело ведь не в том, чтобы понять, выстроит ли движение различным образом кубики; разумеется, – что вполне возможно – тысяча костяшек покажут тысячу шестерок или тысячу раз одно, хотя это и весьма трудно. Однако речь здесь идет о непреднамеренном устройстве материи, не имеющем ни определенной организации, ни пользы; но чтобы одно только движение создавало существа, снабженные органами, функционирование коих

непостижимо; чтобы эти органы находились по отношению друг к другу в определенном соответствии; чтобы бесчисленные усилия приводили к бесчисленным следствиям с правильностью, коя никогда не расстраивается; чтобы все живые существа производили себе подобных; чтобы чувство зрения, по существу не имеющее ничего общего с глазами, осуществлялось всякий раз, как на глаза воздействуют лучи, исходящие от объектов; чтобы чувство слуха, абсолютно чуждое уху, заставляло нас всех слышать одни и те же звуки, когда на ухо воздействуют вибрации воздуха, – вот в чем истинная суть вопроса: все это никакие комбинации не могут произвести сами по себе, без мастера. Движения материи не имеют никакого отношения к чувству и еще меньше – к мысли. Целая вечность всевозможных движений никогда не вызовет ни ощущения, ни идеи; и пусть мне это простят, но нужно утратить всякое чувство и сознание для того, чтобы утверждать, будто одно только движение материи делает существа чувствующими и мыслящими.

И Спиноза, мысливший методически, признает, что в мире существует вселенский разум. Разум этот, утверждает он вместе с рядом философов, необходимо сосуществует с материей, одушевляя ее: одно не может существовать без другого. Вселенский разум сияет в звездах, растекается в элементах, мыслит в людях, произрастает в растениях:

Mens agitat molem et magno se corpore miscet*.

(Virg.Aen.VH27)

*)Мысль волнует громаду, мешаясь с телом гигантским (лат.) Примеч. переводчика

Итак, они вынуждены признать верховный интеллект, но они делают его слепым и чисто механическим, не признают его свободным, независимым и могущественным первоначалом.

По мнению этих философов, существует одна единственная субстанция, не могущая произвести из себя другую. Субстанция эта -- всеобщность вещей, одновременно мыслящая, чувствующая, протяженная и имеющая очертания.

Но давайте рассуждать добросовестно: разве мы не замечаем во всем, что существует, отбора? Почему имеется определенное число видов? Разве не ясно, что их могло бы быть меньше или, наоборот, больше? Почему, спрашивает рассудительный Кларк, планеты врачаются таким, а не иным образом? Признаюсь, что в сравнении с другими, даже более сильными, аргументами данный аргумент поражает меня наиболее живо: отбор существует, а, следовательно, есть мастер, действующий по своему усмотрению.

Аргумент этот также опровергается нашими противниками; каждодневно вы слышите, как они твердят: то, что вы видите, необходимо, и потому это существует. Прекрасно, отвечаю я им, из вашего допущения можно лишь сделать вывод, что для образования мира верховному интеллекту необходимо было произвести отбор: отбор этот произведен; мы чувствуем и мыслим в силу соотношения, установленного Богом между нашими восприятиями и нашими органами. Исследуйте, пожалуйста, с одной стороны, нервы и фибрь, а с другой – возвышенные мысли и признайте, что одно лишь верховное бытие может связать между собой столь непохожие вещи.

Вольтер Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в лондоне в 1765 г. filosoff.org
Каково это бытие? Существует ли оно в безмерном пространстве? Является ли пространство одним из его атрибутов? Находится ли это бытие в одном месте или сразу во всех, а может быть и вне места? О, если бы оно навсегда предотвратило мое копание в этих метафизических тонкостях! Я слишком злоупотреблю своим слабым разумом, если стану стремиться полностью понять бытие, существующее в силу как своей природы, так и моей оставаться для меня непостижимыми. Я буду напоминать в этом случае безумца, узнавшего, что какой-то дом был построен неким архитектором, и решившего, будто одного этого знания довольно для глубокого понимания личности мастера.

Давайте же ограничим наше ненасытное и бесполезное любопытство и займемся тем, что поистине нам интересно. Является ли Верховный Мастер, создавший мир и нас самих, нашим господином? Милостив ли он? Должны ли мы быть ему признательны?

Несомненно, он наш господин: мы ежесекундно ощущаем некую власть, столь же незримую, сколь и неодолимую. Он - наш благодетель, ибо мы живем. Жизнь наша - благодеяние, ибо мы все ее любим, какой бы злополучной она ни оказалась. Подспорье для жизни дано нам верховным и непостижимым бытием, ибо никто из нас не может создать даже самого малого из растений, из коих мы извлекаем даруемое нам ими питание, и никто не знает, каким образом эти растения формируются.

Человек неблагодарный может сказать, что Богу необходимо было обеспечить нас питанием, если он хотел, чтобы мы в течение какого-то срока жили. Он скажет: мы - машины, происходящие одна от другой, причем большинство этих машин оказываются сломанными и поврежденными с первых же шагов своей жизни. Все стихии способствуют нашему разрушению, и мы через страдания приближаемся к смерти. Все это даже слишком верно; но следует согласиться: если бы на свете был лишь один человек, получивший от природы здоровое и крепкое тело, здравый смысл и честное сердце, этот человек обязан был бы великой благодарностью своему создателю. На самом же деле существует много людей, получивших в удел такие дары природы: они-то, по крайней мере, должны считать Бога своим благодетелем.

Что же до тех, кого стечениe извечных законов, установленных верховным бытием, сделало несчастными, что еще можем мы сделать, как не помочь им? И что еще способны мы им сказать, кроме того, что не знаем, почему же они несчастны?

Зло наводняет Землю. Какой вывод сделаем мы из этого с помощью наших слабых суждений? Что вообще не существует Бога? Но он доказал нам свое бытие. Скажем ли мы, что Бог этот - зло? Но идея эта абсурдна, ужасна, противоречива. Будем ли мы подозревать Бога в бессилии и думать, будто тот, кто столь прекрасно устроил все звезды, не сумел организовать всех людей? Предположение это не менее нестерпимо. Скажем, что существует злое начало, портящее творения доброго и превращающее их в уродов? Но почему же это злое начало не расстраивает течение всей остальной природы? Почему оно ожесточенно мучает лишь какие-то слабые существа на жалкой этой планете и в то же время относится суважением к прочим творениям своего врага? Почему не преследует оно Бога в этих миллионах миров, правильно врачающихся в пространстве? Каким образом два враждебных друг другу Бога могут быть равно необходимыми существами? И как могут они сосуществовать?

Примем ли мы сторону оптимизма? Но ведь это означает, по существу, защиту безысходной фатальности. Лорд Шефтсбери, один из самых отважных философов Англии, первым выразил доверие сей печальной системе. "Законы центростремительной силы и произрастания, - говорит он, -- не могут быть изменены любовью жалкого и слабого существа, кое, как бы ни охраняли его те же законы, очень скоро бывает ими самими обращено в прах".

Славный лорд Болинброк пошел еще дальше, а знаменитый Поп осмелился подтвердить, что всеобщее благо составляется из всех частных несчастий.

Но одно только изложение сего парадокса разоблачает всю его лживость¹. Столь же обоснованным было бы говорить, будто жизнь результат бесчисленных смертей, удовольствие складывается из всех печалей, а добродетель есть не что иное, как сумма всех преступлений.

Физическое и моральное зло, несомненно, является следствием устройства этого мира, да это и не может быть иначе. Когда говорят, что все хорошо, это может означать лишь, что все организовано в соответствии с физическими законами; но, разумеется, не все хорошо у бесчисленного множества страдающих существ и у тех,

Вольтер Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в лондоне в 1765 г. filosoff.org
кто заставляет страдать других. Это признают в своих рассуждениях все моралисты; об этом громко вопиют люди, оказывающиеся жертвами зла.

Какое омерзительное утешение – говорить несчастным, преследуемым и оклеветанным, задыхающимся от мук: Все хорошо, мы не можете надеяться на лучшее! Ведь такая речь могла бы быть обращена лишь к существам, почитаемым вечно виновными и в силу необходимости заранее обреченными на вечные муки.

Стоик, о котором рассказывают, будто он в жестоком приступе подагры произнес: Нет, подагра – вовсе не зло², обладал менее нелепой гордостью, чем так называемые философы, среди бедности, преследований, пренебрежения и всех прочих ужасов злополучнейшей жизни имевшие тщеславие заявлять: Все хорошо. Смирение – в добный час, поскольку они притворяются, будто не нуждаются в сострадании; но когда, страдая и видя, как страдает вся Земля, они говорят: Все хорошо и нет никакой надежды на лучшее, – это прискорбный бред.

Наконец, давайте предположим, что верховное бытие, необходимо благое, предоставляет Землю некоему подвластному ему существу, ее пустошающему, некоему тюремщику, ввергающему нас в муки: ведь, это значит сделать из Бога трусливого тирана, который, не осмеливаясь, сам причинять зло, поручает своим рабам непрерывно его вершить.

Какую же позицию мы, в конце концов, займем в этом споре? Не ту ли, что занимали в античные времена все мудрецы Индии, Халдеи, Египта, Греции, Рима? А именно будем считать: Бог даст нам перейти от этой злополучной жизни к другой, лучшей, каковая явит себя развитием на шей природы. В конце концов, ясно, что мы уже прошли через различные виды существования. Мы существовали до того, как новое сочетание органов заключило нас в материнское чрево; в течение девяти месяцев наше существование было весьма отлично от прежнего; детство наше совершенно не походило на наше зародышевое состояние; в зрелом возрасте не осталось ничего от детства; смерть может дать нам еще иной модус существования.

Это всего лишь пустая надежда! -- кричат мне в ответ несчастные, способные чувствовать и рассуждать. Вы возвращаете нас к шкатулке Пандоры; зло реально, надежда же может оказаться пустой: несчастье и преступление осаждают эту нашу жизнь, а вы толкуете о жизни, кой мы не имеем, быть может, и не будем иметь, и о которой у нас нет ни малейшего представления. Нет никакого отношения между тем, чем мы являемся ныне, и тем, чем мы были в лоне своей матери; какое же отношение будем мы иметь, лежа в гробнице, к нашему нынешнему существованию?

Иудеи, бывшие, как вы говорите, ведомыми самим Богом, не имели никакого представления о пресловутой иной жизни. Вы утверждаете, будто Бог дал им законы, но в этих законах нет ни словечка, указывающего на загробные кары и воздаяния. Перестаньте же снабжать нас химерическим утешением по поводу слишком реальных бедствий.

Братья мои, не будем пока отвечать на эти печальные возражения в качестве христиан: для этого еще не настало время. Попробуем опровергнуть их вместе с мудрецами, прежде чем мы разобьем их с помощью тех, кто стоит выше самих мудрецов.

Мы не знаем, что именно в нас мыслит, а следовательно, не можем знать, не переживает ли это неведомое нам существо наше тело. С точки зрения физики в нас, возможно, присутствует некая неразрушимая монада, скрытое пламя, частица божественного огня, вечно существующая под различными внешними обликами. Не стану утверждать, будто это доказано; однако можно сказать, не опасаясь обмануть людей, что у нас есть столько же оснований для веры в бессмертие мыслящего существа, сколько и для того, чтобы это бессмертие отрицать. Если иудеи некогда ничего не знали об этом бессмертии, то ныне они его допускают. В данном пункте единодушны все цивилизованные народы. Мысль эта, столь древняя и общераспространенная, может быть, единственная, способная оправдать пророчество. Следует признавать Бога – вознаграждающего и мстителя или же не следует признавать его вообще. Середины, видимо, не дано: либо Бога нет вообще, либо он справедлив. Мы, чей интеллект столь ограничен, имеем представление о справедливости; как же может статься, что идея эта не содержится в верховнейшем интеллекте? Мы чувствуем, как нелепо было бы утверждать, будто Бог невежествен, слаб и лжив; так осмелимся ли мы сказать, будто он жесток? Уж лучше тогда было бы придерживаться мысли о фатальной необходимости вещей, не допускать ничего,

Вольтер Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в лондоне в 1765 г. filosoff.org кроме непобедимого рока, нежели допускать Бога, создавшего хоть одну тварь для того, чтобы сделать ее несчастной.

Мне говорят, будто справедливость Бога иная, чем наша. Тогда уж говорите, что равенство дважды двух и четырех не одно и то же для Бога и для меня. Истина одинакова в моих глазах и в его. Все математические положения доказаны как для конечного, так и для бесконечного бытия. Здесь не существует двух видов истины. Единственное различие, быть может, заключается в том, что верховный интеллект понимает все истины одновременно, мы же продвигаемся по пути к некоторым из них медленным шагом. Но если не существует двух видов истин в отношении одного и того же предложения, почему должно существовать два вида справедливости в отношении одного и того же действия? Мы можем постичь божественную справедливость лишь с помощью нашей собственной идеи справедливости. Мы познаем справедливое и несправедливое как мыслящие существа. Бог -- существо безгранично мыслящее -- должен быть безгранично справедлив.

давайте же, братья мои, по крайней мере, посмотрим, насколько полезна такая вера и сколь мы заинтересованы в том, чтобы она была запечатлена во всех сердцах.

Ни одно общество не может существовать без вознаграждений и кар. Истина эта столь очевидна и признанна, что древние иудеи допускали, по крайней мере, временные кары. "Если же ты нарушишь свой долг, -- гласит их закон, Господь пошлет тебе голод и нищету, прах вместо дождя... зуд и чесотку неисцелимые... тяжкие язвы в ногах и суставах... С женою обручишься, и другой будет спать с нею, и т.д."³

Подобные проклятия могли сдержать народ, грубо нарушающий свой долг; но могло также случиться, что человек, виновный в свершении тягчайших преступлений, вовсе не страдал от язв на ногах и не погибал от нищеты и голода. Соломон стал идолопоклонником, но нигде не сказано, будто он был поражен каким-либо из подобных недугов. Хорошо также известно, что на Земле полно счастливых преступников и угнетенных невинных. Поэтому необходимо было прибегнуть к теологии многочисленных более цивилизованных наций, которые задолго до того положили в основу своих религий кары и воздаяния в том состоянии человеческой природы, которое, являемое ее развитием, быть может, и представляет собой ее новую жизнь.

Кажется, доктрина эта была самим гласом природы, к которому прислушивались все древнейшие люди, и который был заглушен на определенный срок иудеями, но в дальнейшем вновь обрел всю свою силу.

У всех народов, слушающих голос своего разума, есть всеобщие представления, как бы запечатленные в наших сердцах их владыкой: такова наша убежденность в существовании Бога и в его милосердной справедливости; таковы основополагающие принципы морали, общие для китайцев, индийцев и римлян и никогда не изменявшиеся, хотя наш земной шар испытывал тысячекратные потрясения.

Принципы эти необходимы для сохранения людского рода. Лишите людей представления о карающем и вознаграждающем Боге -- и вот Сулла и Марий с наслаждением купаются в крови своих сограждан; Август, Антоний и Лепид превосходят в жестокости Суллу, Нерон хладнокровно отдает приказ об убийстве собственной матери. Безусловно, учение о Боге-мстителе в те времена угасло у римлян; преобладал атеизм, а ведь нетрудно исторически доказать, что атеизм иногда может быть причиной стольких же зол, как и самое варварское суеверие.

В самом деле, уж не думаете ли вы, будто Александр VI признавал Бога, когда, чтобы обелить кровосмешение сына, он подряд пустил в ход предательство, открытое насилие, кинжал, веревку и яд? Вдобавок, издеваясь над суеверной слабостью тех, кого он убивал, он давал им индульгенции и отпущение грехов во время их предсмертных конвульсий. Несомненно, причиняя людям эти варварские муки, он оскорблял божество, над которым он насмехался. Признаемся себе: когда мы читаем историю этого монстра и его мерзкого сына, мы все уповаляем, что кара их все же настигнет. Таким образом, идея Бога-мстителя необходима.

Может статься, -- и это бывает слишком часто -- убежденность в божественной справедливости не окажется уздой для вспышки страстей. То будет состояние опьянения; угрозы совести наступают, лишь когда разум вступает в свои права, но в конце концов они мучат виновного. Атеист вместо угроз совести может

Вольтер Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в лондоне в 1765 г. filosoff.org
ощущать тайный и мрачный ужас, обычно сопровождающий крупные преступления.
Расположение духа у него бывает при этом беспокойным и ожесточенным; человек, замаранный кровью, становится нечувствительным к радостям общения; душа его, ожесточившись, оказывается невосприимчивой ко всем жизненным утешениям; кровь приливает к его лицу от ярости, но он не раскаивается. Он не страшится, что с него спросят отчет за растерзанную им жертву; он всегда злобен и все больше черствеет в своей кровожадности. Напротив, человек, верящий в Бога, обычно приходит в себя. Первый из них остается всю свою жизнь монстром, второй впадает в варварство лишь на мгновенье. Почему? Да потому, что последний имеет узду, первого же ничто не удерживает.

Мы нигде не можем прочесть о том, будто архиепископ Тролль, приказавший убить у себя на глазах всех магистратов Стокгольма, хотя бы раз удостоил притвориться, что он желает искупить свое преступление каким-то раскаянием. Коварный и неблагодарный атеист, клеветник, кровожадный разбойник рассуждает и действует соответствующим образом, если он уверен в своей безнаказанности со стороны людей. Ибо, если вообще Бога нет, такое чудовище оказывается самому себе Богом; оно приносит себе в жертву все, чего желает или что стоит на его пути. Самые нежные мольбы, самые здравые рассуждения оказывают на него не большее воздействие, чем на волка, озверевшего от жажды крови.

Когда папа Сикст IV приказал убить обоих Медичи в церкви Репараты*, в тот самый миг, как перед лицом народа прославляли Бога, коему этот народ поклонялся, Сикст IV спокойно пребывал в своем дворце, ничего не страшась - ни того, что заговор удастся, ни того, что он потерпит провал; он был уверен: флорентийцы не отмечут за себя, он совершенно свободно отлучит их от церкви, и они будут на коленях просить у него прощения за то, что осмелились принести жалобу.

*) Церковь Santa Reparata (Святой Ценительницы; ст.-ит.) во Флоренции. --
Примеч. переводчика.

Весьма правдоподобно, что атеизм был философией всех могущественных людей, проведших свою жизнь в том заколдованным кругу преступлений, который глупцы именуют политикой, государственным переворотом, искусством править.

Меня никогда не заставят поверить, будто кардинал, знаменитый министр, считал, что он действует по указанию Бога, когда он приказал двенадцати убийцам в судебских мантрях⁴, состоявшим у него на жалованье, осудить на смертную казнь одного из высокопоставленных лиц государства, причем происходило это в его собственном загородном доме и в то самое время, как он предавался блуду со своими девками рядом с помещением, где его лакеи, украшенные титулом судей, угрожали пытками маршалу Франции, смерть которого они уже мысленно смаковали.

Некоторые из вас, братья мои, спрашивали меня, имел ли один из иудейских царей⁵ истинное представление о божестве, когда на пороге смерти, вместо того чтобы попросить прощения у Бога за свои прелюбодеяния, убийства и бесчисленные жестокости, он упорствует в своей кровожадности и жестокой жажде мести? Когда устами, готовыми закрыться навеки, советует своему преемнику повелеть убить старого Семея, своего министра, и своего военачальника Иоава?

Я признаю вместе с вами: акция эта, которую напрасно старался обелить святой Амвросий⁶, быть может, самая страшная из тех, о которых можно прочесть в анналах народов. Миг смерти для всех людей бывает моментом раскаяния и милосердия: стремиться к отмщению, умирая, и не осмелиться это выполнить, обременить другого в своих предсмертных словах долгом бесчестного убийства - поистине вершина трусости и ярости, сплетенных в единый клубок.

Я не стану здесь исследовать, правдива ли эта отвратительная история и в какое именно время она была написана. Я не буду с вами обсуждать, нужно ли рассматривать хроники иудеев под тем же углом зрения, что и повеления их закона, и было ли правильным смешать - во времена невежества и суеверий -Священное писание иудеев с их светскими книгами. Законы Нумы⁷ были священны для римлян, а писания их историков - нет. Но если упомянутый иудей оставался варваром до последнего своего вздоха, что нам до того? Разве мы иудеи? Какое отношение к нам имеют нелепые и страшные дела этого небольшого народа? Преступления освящались почти всеми народами мира, так что же нам делать? Ненавидеть преступления и поклоняться Богу, который их осуждает.

Вольтер Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в лондоне в 1765 г. filosoff.org
Признано, что иудеи поклонялись телесному Богу. Но разве это причина, по которой мы должны иметь подобную идею верховного бытия?

Если доказано, что они верили в телесного Бога, то не менее ясно, что они признавали Бога - создателя Вселенной.

Задолго до того, как они пришли в Палестину, финикийцы имели своего единого Бога Яхо; имя это было у них священным, так же как позднее у египтян и иудеев. Кроме того, они называли верховное бытие более распространенным именем - Эль. По своему происхождению это халдейское имя. Именно от него город, именуемый нами Вавилоном, назывался Бабель - Врата бога. От него же иудейский народ, пришедший со временем в Палестину и там обосновавшийся, стал называть себя "Израэль", что означает видящий Бога, как это сообщает нам Филон⁸ в своем Трактате о воздаяниях и карах и как пишет историк Иосиф⁹ в своем ответе Апиону¹⁰.

Египтяне вопреки всем своим суевериям признавали Верховного бога; они именовали его Кнеф и изображали в виде шара.

Древний Зердуст, именуемый нами Зороастром¹¹, учил лишь об одном боге, коему подчинено злое начало. Индийцы, похваляющиеся тем, что они - древнейшее общество, располагают вдобавок древними книгами, которые, по их утверждению, были писаны четыре тысячи восемьсот шестьдесят шесть лет назад. Ангел Брама или Габрама, говорят они, посланник Бога, служитель верховного существа, продиктовал книгу на языке санскрит. Эта священная книга называется Шастабад, и она гораздо древнее самой Веды, которая с давних времен является священной книгой на берегах Ганга.

два этих тома, представляющие собой закон всех браминских сект -Яджур-Веду, являющуюся началом Веды, - повествуют лишь о едином Боге.

Небу было угодно, чтобы один из наших соотечественников, проживший тридцать лет в Бенгалии и превосходно владевший языком древних браминов, оставил нам извлечение из книги Шастабад, написанной за тысячелетие до Веды. Она разделена на пять глав. В первой главе речь идет о Боге и его атрибутах, и начинается она так: "Бог един; он создал все, что есть; он подобен совершенной сфере, не имеющей ни конца ни начала. Он правит всем с целокупной мудростью. Не ищи его сущность и природу - то будет напрасным и преступным поиском. Довольствуйся тем, чтобы день и ночь поклоняться его творениям, его мудрости, моши и благости. Будь счастлив, чтя его".

Вторая глава трактует о творении небесных интеллектов.

Третья - о падении этих вторичных божеств.

Четвертая - об их наказании.

Пятая -- о милосердии Бога.

Китайцы, чьи истории и обычаи указывают на очень далекую древность, хотя и меньшую, нежели древность индийцев, всегда поклонялись Тьен, Шань-ти, Небесной добродетели. Все их книги, посвященные морали, все эдикты императоров рекомендуют быть угодными Тьен, Шань-ти и заслуживать ее милости.

Конфуций¹² вовсе не был основателем китайской религии, как это утверждают невежды. Задолго до него императоры четырежды в год вступали в храм, дабы принести Шань-ти земные плоды.

Таким образом, вы видите: цивилизованные народы - индийцы, китайцы, египтяне, персы, халдеи, финикийцы -- все признавали одного Верховного бога. Я не стану утверждать, будто у этих столь древних наций не было атеистов; я знаю, их много в Китае; мы видим их в Турции, они есть в нашем отечестве и у многих народов Европы. Но почему их заблуждение должно поколебать нашу веру? Разве ошибочные мнения всех философов относительно света мешают нам твердо верить в ньютоновские открытия, касающиеся сего непостижимого элемента? Разве неверная физика греков и их смехотворные софизмы способны разрушить интуитивное знание, данное нам экспериментальной физикой?

Атеисты были у всех известных народов; но я сильно сомневаюсь, чтобы атеизм этот

Вольтер Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в лондоне в 1765 г. filosoff.org был полной убежденностью, ясной уверенностью, в которых наш разум пребывает, лишенный сомнений, спокойный, как тогда, когда дело идет о геометрических доказательствах. Разве это скорее не полуубежденность, усиленная яростной страстью и высокомерием, занимающими место полной уверенности? Фаларис¹³ и Бусирис¹⁴ (а такие люди попадаются в любой среде) резонно высмеивали басни о Кербере и Эвменидах: они отлично понимали, как смешно воображать, будто Тезей целую вечность просидел на скамейке и будто гриф постоянно разрывал вновь отрастающую печень Прометея. Подобные нелепости, бесчестящие божество, уничтожали его в глазах этих людей. Они смутно говорили себе в своем сердце: нам всегда повествовали о божестве одни лишь нелепости, а значит, божество – это только химера. Они попирали ногами утешительную и одновременно страшную истину, ибо она была окружена ложью.

О, злополучные теологи-схоласты, пусть бы хоть этот пример научил вас не делать Бога смешным! Именно вы своими пошлостями распространяете атеизм, с которым вы боретесь; именно вы создаете придворных атеистов, которым достаточно лишь благовидного предлога, оправдывающего все их омерзительные деяния. Но если бы поток дел и мрачных страстей оставлял им время одуматься, они бы сказали: обманы жрецов Исида или Кибелы должны восстанавливать меня лишь против них, но не против божества, которое они оскорбляют. Если не существует Флегетонта и Кокита, это вовсе не препятствует существованию Бога. Поэтому я пренебрегу баснями и стану поклоняться истине. Мне рисуют Бога смешным тираном, но я не буду из-за этого считать его слабомудрым и несправедливым. Я не соглашусь с Орфеем, утверждающим, будто тени добродетельных людей разгуливают в Елисейских полях; я не признаю метемпсихоз фарисеев и еще менее – уничтожение души, проповедуемое саддукеями. Я признаю вечное проявление, не осмеливаясь при этом разгадывать, каковы средства и следствия его милосердия и справедливости. Я не стану злоупотреблять разумом, данным мне Богом; я уверю в то, что существуют порок и добродетель, как существуют болезнь и здоровье; и наконец, поскольку незримая сила, воздействие коей на меня я всегда ощущаю, делает меня мыслящим и действующим существом, я заключу из этого, что мысли мои и поступки должны быть достойны той силы, что помогла мне явиться на свет.

Не станем здесь скрывать: бывают добродетельные атеисты. Секта Эпикура¹⁵ дала весьма честных людей; сам Эпикур был добродетельным человеком, я это признаю. Инстинкт добродетели, обитающий в мягком и далеком от всякого насилия нраве, может отлично сосуществовать с ошибочной философией. Эпикурейцы и наиболее славные атеисты наших дней, стремящиеся к удовольствиям, даруемым общением, познанием и заботой о безмятежном покое души, укрепили в себе этот инстинкт заставляющий их никогда никому не вредить и отречься от беспокойных дел, возмущающих душу, а также от разворачивающего ее высокомерия. В обществе существуют законы, более строго соблюдаемые, нежели законы государства и религии. Тот, кто заплатил за услуги своих друзей черной неблагодарностью, кто оклеветал честного человека и проявил в своем поведении отталкивающую непристойность или кто известен своей безжалостной и гнусной скверностью, не будет наказан законами, но его покарает общество честных людей, кои вынесут против него не подлежащий обжалованию приговор об изгнании: в этом обществе он никогда не будет принят. Таким образом, атеист, обладающий мягким и приятным нравом, во всем прочем сдерживаемый уздой, налагаемой на него человеческим обществом, вполне может вести безобидную, счастливую и уважаемую жизнь. Примеры мы наблюдаем из века в век, начиная со славного Аттика¹⁶, одновременно бывшего другом и Цезаря и Цицерона¹⁷, и кончая знаменитым судьей де Барро¹⁸, заставившим слишком долго ждать истца, процесс коего он вел, и уплатившим ему за это из своего кармана сумму, о которой шла речь.

Мне могут еще назвать, если угодно, софиста-геометра Спинозу, чьи умеренность, бескорыстие и благородство были достойны Эпиктета. Мне также скажут, что знаменитый атеист Ламетри¹⁹ был человеком мягким и приятным в обществе, уважаемым при жизни и осыпанным после смерти милостями великого короля, который не обращал внимания на его философские убеждения и награждал его за его достоинства. Однако дайте этим мягким и спокойным атеистам высокие должности, включите их в политическую фракцию или заставьте сражаться с Цезарем Борджа²⁰ либо с Кромвелем, а может быть, с кардиналом де Ретцем – и неужели, думаете вы, в подобных случаях они не станут такими же злодеями, как их противники? Учтите, какую вы ставите перед ними альтернативу: если они не порочны, они покажут себя глупцами, им надо либо защищаться тем же оружием, либо погибнуть. Несомненно, их принципы не противостоят убийствам и отравлениям, которые они считут неизбежными.

Итак, мы показали: атеизм может, самое большее, позволить существовать общественным добродетелям в спокойной апатии частной жизни; однако среди бурь жизни общественной он должен приводить к всевозможным злодействам.

Приватное общество атеистов, кои никогда меж собою не ссорятся и спокойно растратаивают свою жизнь в чувственных наслаждениях, может невозмутимо существовать какое-то время; однако если бы мир управлялся атеистами, то с таким же успехом можно было находиться под непосредственным владычеством адских сил, которые нам изображают яростными мучителями своих жертв. Одним словом, атеисты, держащие в своих руках власть, были бы столь же зловещи для человечества, как суеверные люди. Разум протягивает нам спасительную Руку в выборе между двумя сими чудищами: то будет предметом моей второй речи.

Проповедь вторая

О СУЕВЕРИИ

Братья мои,

Вы хорошо знаете, что все достаточно известные нации учреждали общественный культ. Во все времена, когда люди сходились вместе, чтобы обсудить свои дела поделиться друг с другом своими нуждами, они, как это весьма естественно, начинали свои собрания заверениями в уважении и любви, коими они обязаны творцу жизни. Подобные знаки почитания приравнивались к тем, какие дети оказывают своему отцу, а подданные владыке. Но то слишком слабые подобия культа Бога: отношения чело века к человеку несравнимы с отношением творения к Верховному существу: они безгранично далеки друг от друга. Более того, почитать Бога в облике монарха -- кощунство. Даже владыка всей Земли - если бы такой мог существовать и люди были бы столь несчастны, что оказались бы порабощенными одним человеком, - представлял бы собой всего лишь земного червя (и нечто еще неизмеримо более мизерное) перед лицом божества. И потом, как можно было в республиках, государствах, бес спорно более древних, чем любая монархия, постигать Бога в обличье царя? Уж если нужно было придать Богу зримый облик, то образ отца, сколь бы он ни был неполным, представляется, быть может, лучше всего соответствующим нашей слабости.

Однако эмблемы божества оказались первоисточниками суеверия. С того момента, как мы создали себе Бога по нашему образу и подобию, божественный культа был извращен. Осмелившись представить Бога в облике человека, наше жалкое воображение, никогда не останавливающееся на полпути, придало ему и человеческие пороки. Мы рассматривали его лишь как властного господина и наградили его всеми чертами злоупотребления властью; мы прославляли его как существо гордое, ревнивое гневное, мстительное, благотворящее и капризное, как безжалостного разрушителя, грабящего одних, дабы обогатить других единственно по своей прихоти. Наши идеи всегда развертываются постепенно, мы почти все постигаем по принципу сходства: так, когда Земля была наводнена тиранами, Бога сделали первым среди тиранов. Еще хуже было, когда божество воплощали в образах, взятых из животного мира и от растений: ..Бог стал тогда быком, змеей, крокодилом, обезьянкой, котом и ягненком; он ел траву, свистел, блеял, пожирал других и был пожираем сам.

Суеверие почти среди всех народов было столь ужасающим, что, если бы до сих пор не сохранились памятники этого суеверия, мы вряд ли могли бы поверить тому, что об этом рассказывают. История мира - история фанатизма.

Но не были ли среди чудовищных суеверий, наводнявших Землю, вполне невинные? Разве не должны мы делать различие между ядами, которые мы смогли превратить в лекарства, и теми, что сохранили свои смертоносные свойства? Исследование это заслуживает, если я не заблуждаюсь, полного внимания трезвых умов.

Один человек делает добро своим братьям - людям, другой уничтожает хищных животных, третий изобретает искусства силой своего гения. Вследствие этого считают, что бог одарил их более, чем толпу; воображают, будто они дети бога, после смерти их возводят в ранг полубогов или второстепенных божеств. Их не только ставят в пример как образец для прочего человечества, но и делают объектом религиозного поклонения. Тот, кто поклоняется Гераклу и Персею, вдохновленно им подражает. Алтари становятся наградой за талант и за смелость. Я

Вольтер Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в лондоне в 1765 г. filosoff.org усматриваю здесь только заблуждение, кое обращено ко благу. В таких случаях ошибки людей ведут к их собственной выгоде. Если бы древние римляне возводили в ранг вторичных богов лишь Сципионов, Титов, Траянов и Марков Аврелиев, в чем могли бы мы их упрекнуть?

Между Богом и человеком лежит бесконечность - согласен; и если по античной системе человеческая душа считалась конечной частью безграничного интеллекта, возвращающейся в огромное целое, не содействуя его росту; если предполагают, что Бог жил в душе Марка Аврелия; если душа эта превосходила другие души добродетелью в течение своей жизни - почему не допустить, что она еще более велика, когда освобождается от своего смертного тела?

Римские католики, наши братья (ибо наши братья - все люди), населили небо полубогами, коих они именуют святыми. Если бы они всегда делали правильный выбор, мы бы безоговорочно признали, что их заблуждение - услуга всему человечеству. Но мы осыпаем их проклятиями и презрением, когда они чествуют Инаса -- рыцаря Девы; свирепого преследователя Доминика; безумного фанатика франциска, расхаживавшего обнаженным, беседовавшего со зверями, наставлявшего в вере волка и слепившего себе из снега женщину. Мы не простим Иерониму, переводчику иудейских книг, человеку знающему, хоть и заблуждавшемуся, его попытки в своей "Истории отцов пустыни" возбудить наше уважение к святому Пахому, отправлявшемуся в гости верхом на крокодиле. И особое возмущение мы испытываем, видя, что в Риме был канонизирован Григорий VII, поджигатель Европы.

Не так, однако, обстоит дело во Франции с культом Людовика IX, который был храбр и справедлив. И если молиться ему - излишество, то совсем не излишество его чтить; такое поклонение только говорит другим государям: подражайте его добродетелям.

Я пойду даже дальше: я предполагаю, что в базилику помещают статую ГенрихаIV (завоевавшего свое королевство с силой Александра и с милосердием Тита²¹) - короля, который был добр и сострадателен, умел выбирать наилучших министров и сам для себя был первым министром; я допускаю: вопреки его слабостям ему воздают почести, превышающие обычную дань памяти великим людям; но какое из этого может произтекать зло? Несомненно, лучше преклонять колени перед ним, чем перед толпой незнакомых святых, одни имена которых стали предметом срамословия и насмешки. Это будет суеверием, я согласен, но суеверием безвредным - патриотическим энтузиазмом, но не опасным фанатизмом. Если человек рожден, чтобы заблуждаться, пожелаем ему достойные заблуждения.

С лица Земли надо стереть то суеверие, которое, делая Бога тираном, побуждает людей к тирании. Тот, кто первым сказал, будто отступников надо держать в страхе, вложил кинжал в руки тех, кто осмелился считать себя правоверными; тот, кто первым запретил всякое общение с теми, кто не придерживался его взглядов, ударил в набат гражданских войн по всей Земле.

Я верю в то, что кажется немыслимым моему разуму, а значит, в то, во что я не верю; итак, я должен питать ненависть к тем, кто похваляется верой в нелепости, противоположные моим. Такова логика суеверных людей или, точнее, таково их отвратительное безрассудство. Поклоняться верховному бытию, любить его, служить ему и быть полезным людям - это ничто; более того, по мнению некоторых, это -- ложная добродетель, которую они именуют блистательным прегрешением. Итак, с тех пор как люди сделали своим священным долгом споры о вещах, которых они не могут постичь, с тех пор как стали усматривать доблесть в произнесении неких необъяснимых слов, которые каждый стремится в свой черед объяснить, христианские страны стали театром раздора и резни.

Вы скажете мне: эту вселенскую чуму надо скорее отнести за счет неистовой гордости, нежели за счет фанатизма. Я же вам отвечу: мы обязаны этим и тому и другому. Жажда власти утоляется кровью глупцов. Я не чаю исцелить могущественных людей от яростной страсти порабощать умы: это неисцелимая болезнь. Всякий человек желает, чтобы другие усердно ему служили, а дабы они это делали лучше, он заставляет их, если может, верить, что долг их и счастье заключены в рабском ему услужении. Придите к человеку, чей доход исчисляется пятнадцатью или шестнадцатью миллионами, и который имеет четыреста или пятьсот тысяч подданных, рассеянных по Европе и не стоящих ему ни гроша, за исключением его гвардии и войска, и попробуйте внушить ему, что Христос, викарием и подражателем которого

Вольтер Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в лондоне в 1765 г. filosoff.org он себя называет, жил в бедности и ничтожестве; он вам возразит, что времена изменились, а дабы доказать вам это, он приговорит вас к сожжению на костре. Вы не сумели исправить ни этого человека, ни какого-нибудь кардинала Лотарингского, владельца семи епархий одновременно. Что остается в таком случае делать? Вы обращаетесь к народам, вы говорите с ними, и, какими бы огрубевшими они ни были, они слушают вас, глаза их отчасти раскроются; они стряхнут с себя немногого самое унизительное ярмо, какое когда-либо кто носил; они освободятся от некоторых заблуждений, возвратят себе малую толику свободы -- то достояние человека или, точнее, ту его сущность, кою у него отняли. Если нельзя излечить от высокомерия людей, стоящих у власти, то можно все же исцелить народ от суеверия; можно -- пером и словом - сделать людей лучше и просвещеннее.

Довольно легко дать им понять, что пришлось им вытерпеть за пятнадцать столетий. Мало кто умеет читать, однако все могут слушать. Так слушайте же, мои дорогие братья, и внимайте страданиям, удручавшим минувшие поколения.

Едва только христиане, вздохнувшие свободно при Константине, обагрили свои руки кровью добродетельной Валерии - дочери, жены и матери цезарей, а также кровью юного Кандидиана, ее сына, надежды империи; едва они убили сына императора Максимилиана в возрасте восьми лет и его dochь, которой исполнилось семь; едва только эти люди, коих нам изображают столь терпеливыми в течение двух столетий, обнаружили таким образом свою ярость в начале IV века, как теоретический спор породил гражданские распри, и они, следуя одна за другой без мгновения передышки, до сих пор волнуют Европу. Каковы же объекты этих кровавых распреий? да те подробности, мои братья, о которых ни слова нет в Евангелии. Хотят понять, был ли Сын Божий порожден или сотворен; был ли он порожден во времени или до него; единосущ ли он с Богом-Отцом или подобен ему; является ли монада Бога, как говорит Афанасий, троичной и воплощенной в трех ипостасях; порожден ли Святой дух или он эманация, и происходит ли он от одного Отца или же от Отца и Сына; две ли воли у Христа или одна, одна или две природы, одно или два лица.

В общем, начиная с единосущности и кончая пресуществлением (термины, столь же трудные для произношения, как и для понимания), все было предметом спора, а каждый спор влек за собой реки крови.

Вам известно, сколько пролила крови наша суеверная Мария, dochь тирана Генриха VIII и достойная супруга испанского тирана Филиппа II. Трон Карла I был превращен в эшафот, и король этот был казнен, после того как более двухсот тысяч человек оказались убитыми и принесенными в жертву литургии.

Вам известны гражданские войны во Франции. Свора теологов-фанатиков, именуемая Сорбонной, объявляет короля Генриха Ш свергнутым с трона, и внезапно он оказывается убит неким начинаящим теологом. Сорбонна объявляет великого Генриха IV, нашего союзника, неспособным царствовать - и вот появляются один за другим двадцать убийц, пока, наконец, некий монах-фельян, преподаватель колледжа, единственno по причине услышанной им новости, будто сей доблестный человек собирается защищать своих старых союзников против приверженцев папы, погружает нож в сердце самого мужественного из королей и лучшего из людей в центре его столицы, на глазах у его народа и в окружении его друзей; а потом в силу непостижимого противоречия его память навеки остается священной, и сорбоннская шайка, вынесшая ему приговор, отлучившая от церкви его и его верноподданных и не имеющая права отлучать никого, продолжает процветать, к стыду Франции.

Братья мои, эти смехотворные и мрачные распри - источник стольких ужасов и гнусных убийств - подняли не простые люди, не земледельцы, не безвестные и мирные ремесленники; к несчастью, среди этих раздоров нет ни одного, который не породили бы сами теологи. Люди, вскормленные в блаженной праздности вашими трудами, разбогатевшие благодаря вашему поту и нищете, сражаются за обладание большим количеством сторонников и рабов; они винчат вам разрушительный фанатизм, чтобы стать вашими господами; они делают вас суеверными, но не для того, чтобы вы пребывали прежде всего в страхе божием, а для того, чтобы вы их боялись.

Евангелие не говорит Жаку и Пьеру или Варфоломею: Купайтесь в роскоши! Кичитесь почестями! Выступайте в окружении охраны! И тем более оно не говорит им: Возмущайте мир вашими непостижимыми проблемами! Иисус, братья мои, не поднимал ни одного из этих вопросов. Неужели мы пожелаем быть лучшими теологами, чем тот, кого вы признаете единственным своим учителем? Как?! Он вам рек: Все дело в том,

Вольтер Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в лондоне в 1765 г. filosoff.org чтобы любить Бога и своего ближнего - а вы станете добиваться чего-то иного?

Есть ли кто-либо среди вас - да нет, есть ли кто на всей Земле, кто посмел бы думать, будто Бог станет его судить на основе теологических параграфов, а не по его делам?

Что такое теологическое мнение? Это идея, коя может быть истинной или ложной, но с которой мораль не связана. Совершенно очевидно: вы должны быть достойными людьми независимо от того, является ли Святой дух истечением дыхания Отца или Отца и Сына. Не менее ясно, что вы никогда не поймете ни одного из положений такого рода. Вы никогда не будете иметь даже самого слабого понятия о том, каким образом мог Иисус в одном лице обладать двойственной природой и волей. Если бы он желал, чтобы вы были в этом осведомлены, он бы вам это сказал. Я выбрал эти примеры из сотен других и обхожу молчанием прочие споры, дабы не прикасаться ко все еще кровоточащим ранам.

Бог дал вам разум, и он не может желать, чтобы вы его извратили. Как может стать необходимым для вас предложение, относительно коего вы не способны иметь никакой идеи? Что Бог, дарующий все, мог дать одному какому-то человеку больше просвещенности и таланта, чем другому, - с этим мы сталкиваемся на каждом шагу. Что он избрал какого-то человека, дабы слиться с ним теснее, чем с другими людьми, и сделал его образцом разума и добродетели - это совсем не возмущает наш здравый смысл. Никто не может отрицать: Богу доступно изливать свои самые прекрасные дары на одно из своих творений. Итак, можно верить в Иисуса, учившего добродетели и осуществлявшего ее на деле, но страшитесь того, чтобы, пожелав зайти дальше этих пределов, мы не опрокинули целиком всю постройку.

Суеверный человек посыпает отравой самую здоровую пищу: он -враг самому себе и другим. Он будет считать, что стал объектом вечного отмщения, если съел в неподложенный день мясо; он думает, будто длинная серая мантия с остроконечным капюшоном и длинная борода более угодны Богу, чем бритое лицо и голова, покрытая собственной шевелюрой; он воображает, что его спасение связано с латинскими формулами, кои ему не понятны. Свою дочь он воспитывает в подобных же принципах: едва достигнув зрелости, она запирается в келье; чтобы угодить Богу, она предает свое потомство и тем самым оказывается более виновной пред человеческим родом, чем жена индийца, бросающаяся в погребальный костер своего мужа уже после того, как родила ему детей.

Анахореты южных частей Европы, осудившие сами себя на столь же отталкивающую жизнь, сколь и ужасную, не сравнивайте себя с кающимися на берегах Ганга! Ваши самоистязания далеки от их добровольных казней; но не думайте, будто Бог оправдывает в вас то, что, по вашему мнению, он осуждает в них.

Суеверный человек становится сам себе палачом; палач он и для всякого, кто мыслит не так, как он. Самый бесчестный донос он называет братской исправительной мерой; он обвиняет простодушную невинность в отсутствии осторожности потому, что в простоте душевной она не замыкает печатью свои уста. Он предает ее этим тиранам души, кои насмехаются одновременно над обвиненным и обвинителем.

Наконец, суеверный человек становится фанатиком, и тогда его рвение толкает его на любые злодейства во имя Господа.

Верно: мы живем уже не в те ужасные времена, когда происходили убийства между друзьями и родственниками, когда сотни регулярных сражений покрывали Землю трупами во имя каких-то схоластических аргументов; но из пепла этого обширнейшего пожара каждодневно возрождается несколько искорок: государи не отправляются больше в сражение по призыву священника или монаха, однако граждане испытывают еще преследования в лоне своих городов, и частная жизнь часто бывает отравлена чумой суеверия. Что сказали бы вы о семействе, всегда готовом к взаимному раздору из-за понимания того, каким образом надо правильно чтить своего отца? Ах, дети мои, речь ведь идет лишь о том, чтобы его любить, а приветствовать его вы будете, как кто сумеет. Разве для того вы между собой братья, чтоб вас разъединял раскол, и допустимо ли, чтобы тот, кто должен вас объединять, вечно вас разделял?

Мне неизвестна ни одна гражданская война в Турции из-за религии. Да что там - гражданская война! История не отметила ни единого мятежа, ни одной смуты, коя

Вольтер Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в лондоне в 1765 г. filosoff.org
была бы возбуждена среди турков из-за теоретических разногласий. Потому ли это, что у них меньше догм и меньше поводов для споров? Потому ли, что они рождены более уравновешенными и мудрыми, чем мы? Они не спрашивают, к какой вы принадлежите секте, лишь бы вы исправно платили легкий налог. Христиане - латиняне и греки, якобиты, монофелиты, копты, протестанты, реформаторы - все у них желанные гости, в то время как среди христиан нет и трех наций, среди коих практиковалась бы подобная гуманность.

И последнее, мои братья: Иисус вовсе не был ни суеверным, ни нетерпимым; он общался с самаритянами; он не произнес ни единого слова против религиозного культа римлян, отовсюду теснивших его родину. Будем же подражать его терпимости и заслужим этим терпимое отношение к нам самим.

давайте не будем пугаться варварского и столь часто твердимого аргумента: вот он, как я полагаю, во всей своей наготе.

"Вы полагаете, что порядочный человек может заслужить милость верховного бытия, справедливого и милосердного Бога, в какие бы времена, где бы и в какой вере этот человек ни провел свою краткотечную жизнь; мы же, наоборот, утверждаем, что нельзя угодить Богу иначе, как находясь среди нас от рождения или же приняв наше учение; доказано: мы - единственные в мире, кто прав. Мы уверены: Бог, явившийся на Землю и пойдя на казнь за всех людей, пожелал тем не менее быть сострадательным лишь к нашей малой общине, и в самой этой общине весьма мало таких, кто избежит вечной кары. Изберите же себе наивернейший жребий: вступите в нашу небольшую общину и тщитесь стать среди нас избранныками".

Поблагодарим наших братьев, обращающих к нам эту речь; поздравим их с убеждением в том, что проклят весь мир, кроме малого числа лиц их среды, и уверуем в то, что наша секта достойнее их секты хотя бы уж потому, что она более разумна и сострадательна. Всякий, кто скажет мне: Думай, как я, или Бог тебя проклянет, говорит мне: Думай, как я, иль я тебя убью. Помолимся Богу, чтобы он смягчил свирепые эти сердца и внушил бы братские чувства всем своим детям. Вот мы живем на нашем острове, где господствует епископальная секта на пространстве от Дувра до малой речушки Твид. Отсюда и вплоть до последнего из Оркнейских островов в чести пресвитерианство, а при этих двух официальных религиях существует еще десяток или дюжина частных сект. Поезжайте в Италию, и вы увидите на троне папистский деспотизм. Не так обстоит дело во Франции, которую Рим считает полуверетическим государством. Если вы отправитесь в Швейцарию или в Германию, вы проведете одну ночь в городе кальвинистов, другую в обители папистов, третью - в лютеранском пристанище. А если вы окажетесь в России, то вообще не увидите ничего подобного. Здесь - совсем иная религия. Царский двор здесь подлинно просвещенный благодаря императрице-философу. Августейшая Екатерина возвела на трон разум, равно как великолодие и благородство; однако народ ее провинций одинаково презирает пока и папистов, и кальвинистов, и лютеран. Он не хочет разделять трапезу ни с одним из них, ни пить из одного с ним бокала. Но я спрашиваю вас, братья мои, что произойдет, если на сбогище всех этих сектантов каждый станет считать, будто Святой дух позволил ему утвердить именно его мнение над мнениями других? Не увидите ли вы тогда во всех концах Европы шпаги, водруженные виселицы и пылающие костры? И кто же окажется прав в этом хаосе раздоров? Тот, кто терпим и милостив. Не говорите, что, проповедуя терпимость, мы проповедуем равнодушие. Нет, братья мои: кто поклоняется Богу и делает добро людям, вовсе не равнодушен. Эпитет этот скорее подходит суеверному человеку, полагающему, что Бог будет милостив к нему за то, что он произносит непонятные формулы, в то время как в действительности он весьма равнодушен к судьбе своего брата, коему дает погибнуть, даже не протянув ему руки помощи, коего он предает опале, льстит ему, когда тот процветает, или же преследует его, если сам принадлежит к другой секте, когда тот не имеет поддержки и покровительства. Чем больше суеверный человек сосредоточивается на нелепых поступках и верованиях, тем более становится он равнодушным к истинным обязанностям человека. Давайте навсегда сохраним память об одном из наших сострадательных соотечественников: он основал в своей провинции дом призрения для престарелых; его спросили: для кого именно этот дом - для папистов, лютеран, пресвитериан, квакеров, социниан, ана뱁тистов, методистов или меннонитов? Он ответил: "для людей".

Мой боже! Избавь нас от заблуждений атеизма, отрицающего твоё бытие, и освободи нас от суеверия, бесчестящего твоё бытие, наше же превращающее в ад!

Вольтер Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в лондоне в 1765 г. filosoff.org теодицей предшествовало его решительное выступление против Лейбница по этим вопросам в "Поэме о гибели Лиссабона" (1755) и в философском романе "Кандид" (1759).

2 Имеется в виду античный философ Посидоний (ок. 135-51 до н.э.).

3 Второзаконие, XXVIII, 15-30.

4 Имеется в виду судебный процесс против маршала Марийяка, организованный по приказу кардинала Ришелье - всесильного первого министра (1624-1642) французского короля Людовика XIII (1610-1643).

5 Имеется в виду Давид - царь Израильско-Иудейского государства (конец XI в. - ок. 950 до н.э.).

6 Амвросий - христианский теолог и церковный иерарх (миланский епископ) IV в.

7 Нума Помпилий - легендарный древнеримский царь, преемник Ромула (конец VII - начало VII в. до н.э.).

8 Филон Александрийский (ок. 30 до н.э. - 40 н.э.) еврейский религиозный философ, оказавший значительное влияние на формирование христианского вероучения.

9 Иосиф Флавий (ок. 37-102) - еврейский историк.

10 Апион Александрийский - египетский историк I в. н.э.

11 Зороастр - легендарный основатель религии (зороастризма), возникшей в древнем Иране в VII-VI вв. до н.э.

12 Конфуций (Кун-фу-цзы) (551-479) - древнекитайский мыслитель, создатель этическо-политического учения (конфуцианства), превратившегося на рубеже н.э. в религию.

13 Фаларис (VII в. до н.э.) - жестокий тиран г. Агригента, сжигавший своих противников в железных быках.

14 Бузирис - легендарный древнеегипетский царь, убивавший всех попадавших в его страну чужеземцев и приносивший их в жертву богам.

15 Эпикур из Самоса (ок. 341 - ок. 270) - древнегреческий философ-материалист, сторонник атомизма.

16 Аттик, Помпоний Тит (109-33 до н.э.) - древнеримский мыслитель, близкий к эпикуреизму.

17 Цицерон, Марк Туллий (106-43 до н.э.) - выдающийся древнеримский оратор, политический деятель, писатель, философ.

18 Барро, Жак Балле де (1602-1673) - французский поэт, атеист, служил в судебном ведомстве.

19 Ламетри, Жюльен Юфре де (1709-1751) - великий французский философ-материалист и атеист. Преследуемый за свои произведения, Ламетри с 1748 г. жил в безопасности при дворе прусского короля Фридриха II (1740-1786), ставшего прослыть "просвещенным государем" и охотно предоставлявшего убежище гонимым французским мыслителям.

20 Борджа, Чезаре - герцог Романьи (ок. 1476-1503), сын папы Александра VI Борджа (1492-1503).

21 Тит - римский император (79-81).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Вольтер Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в лондоне в 1765 г. filosoff.org
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин <http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг. <http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!